

БИБЛЕИСТИКА  
ЮЛИУС ВЕЛЛЬГАУЗЕН  
И ГЕРМАН ГУНКЕЛЬ:  
МЕТОДОЛОГИЯ  
БИБЛЕЙСКОГО  
ИССЛЕДОВАНИЯ

Михаил Анатольевич Скобелев

кандидат богословия  
доцент кафедры библеистики Московской духовной академии  
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия  
доцент кафедры библеистики Православного  
Свято-Тихоновского гуманитарного университета  
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1  
mskobelev@mail.com

Илья Александрович Хангиреев

начальник научно-административного отдела Богословского  
факультета Православного Свято-Тихоновского  
гуманитарного университета  
127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1  
khangireev.ilya@gmail.com

**Для цитирования:** Скобелев М. А., Хангиреев И. А. Юлиус Велльгаузен и Герман Гункель: методология библейского исследования // Богословский вестник. 2019. Т. 33. № 2. С. 17–37. doi: 10.31802/2500-1450-2019-33-16-26

**Аннотация**

УДК 22.06 (221.1)

В статье анализируются труды и методы исследования Священного Писания двух выдающихся европейских библеистов — Юлиуса Велльгаузена (1844–1918) — и Германа Гункеля (1862–1932). Ссылками на труды обоих упомянутых исследователей «пестрят» научные монографии и статьи современных библеистов, им посвящаются конференции и сборники статей. Ю. Велльгаузен — представитель метода критики источников, который он последовательно использовал в отношении всех канонических книг Ветхого Завета, но главным предметом его исследования было Пятикнижие. Герман Гункель — разработчик метода анализа форм. Не отвергая подхода Ю. Велльгаузена, Гункель дополнил его анализом литературных форм, разработав классификацию жанров для всех книг Ветхого Завета. Кроме того, Гункель настаивал на необходимости при изучении Священного Писания не замыкаться исключительно на самом библейском тексте, а обязательно учитывать его связь с литературами Древнего Востока — сравнительный (компаративный) метод. Таким образом, Гункель ввёл в современную библеистику синтетический подход, объединив метод критики источников с жанровым и компаративным анализом. Авторы статьи представили основные научные положения Ю. Велльгаузена и Г. Гункеля о происхождении Пятикнижия, постарались дать оценку их методологии, рассмотрели возможность использования их трудов в православной экзегезе.

**Ключевые слова:** герменевтика, Пятикнижие, документальная гипотеза, устные традиции, критика источников, анализ форм, жанр, миф, легенда, книга Бытия.

## Введение

Юлиус Велльгаузен (1844–1918 гг.) и Герман Гункель (1862–1932 гг.), как справедливо заметил Рудольф Сменд, являются ключевыми фигурами европейской библеистики XIX–XX вв.<sup>1</sup> Рудольфу Сменду принадлежит важное наблюдение, касающееся взаимоотношений между двумя упомянутыми исследователями: трудами Ю. Велльгаузена завершился важный этап (целая эпоха) в развитии документальной гипотезы о происхождении Пятикнижия, длившийся, начиная с Ж. Астриюка (1753 г.), почти полтора столетия, а исследованиями Г. Гункеля открылся новый этап в развитии библейской науки<sup>2</sup>. В этом отношении показательна оценка самим Гункелем того вклада, который он внёс в изучение Писания:

«Я надеюсь, что будущее покажет, что я был истинным велльгаузенианцем, который перенес критическое исследование Ветхого Завета в другую эпоху и этим избежал упадка»<sup>3</sup>.

Помимо главного профессионального интереса к Священному Писанию, Ю. Велльгаузен и Г. Гункеля объединяло происхождение — оба были сыновьями евангелических (лютеранских) пастырей, оба учились в Геттингенском университете, и тот и другой оказали мощнейшее влияние на зарубежную библеистику XX–XXI вв.

Ю. Велльгаузен известен прежде всего как учёный, предложивший решение вопроса о происхождении Пятикнижия, его теория получила название документальной (англ. *documentary hypothesis*), или гипотезы четырёх источников (англ. *four sources*). Согласно данной гипотезе, Пятикнижие состоит из четырёх источников (слоёв): Ягвиста (J), Элогиста (E), Девтерономиста (D) и Жреческого кодекса (P). Перечисленные слои, по мнению Ю. Велльгаузена, продолжают и в книге Иисуса Навина, поэтому он назвал свою работу: «Композиция Шестикнижия» (нем. *Die Composition des Hexateuchs*)<sup>4</sup>. Необходимо отметить,

1 *Smend R. Gunkel und Wellhausen // Hermann Gunkel (1862–1932) / hrsg. E.-J. Waschke. Neukirchen-Vluyn, 2013. (BTS; Bd. 141). S. 21–40.*

2 *Ibid. S. 23.*

3 *Klatt W. Hermann Gunkel: zu seiner Theologie der Religionsgeschichte und zur Entstehung der formgeschichtlichen Methode. Göttingen, 1969. S. 179.*

4 *Wellhausen J. Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testament. Berlin, 1885.*

что прежде него этой проблемой занимались: Вильгельм Де Ветте<sup>5</sup> (1780–1849 гг.), Генрих Эвальд<sup>6</sup> (1803–1875 гг.), Эдуард Рейсс<sup>7</sup> (1804–1891 гг.), Герман Гупфельд<sup>8</sup> (1796–1866 гг.), Карл Граф<sup>9</sup> (1815–1869 гг.). Заслуга Велльгаузена состоит в том, что, используя научные разработки названных исследователей, он придал данной гипотезе окончательную форму, предложив решение вопроса о происхождении Пятикнижия. Исследуя текст Пятикнижия, Велльгаузен активно применял метод сравнения слоёв, который в современной науке получил название — критика источников (source criticism)<sup>10</sup>.

Главная задача, которую ставил перед собой Ю. Велльгаузен, состояла в том, чтобы дать ответ на следующие вопросы: как возникло Пятикнижие? На каком этапе израильской истории оно получило окончательную форму? Его предшественники и сам он пришли к выводу, что текст Пятикнижия компилятивный, принадлежит разным авторам, жившим в разные эпохи. Ю. Велльгаузен ставил перед собой задачу выяснить отношение между слоями внутри Пятикнижия. Он утверждал, что Закон Моисеев получил окончательную форму в середине V в. до Р. Х. Таким образом, согласно Велльгаузену, книги Закона по времени своего происхождения не открывают библейского канона, как утверждает иудейская и христианская традиции, а завершают его. Основные выводы документальной гипотезы были восприняты и развиты многими исследователями XIX–XX вв.: Германом Гункелем, Мартином Нотом (1902–1968 гг.), Герхардом фон Радом (1901–1968 гг.), Отто Айсфельдом (1887–1973 гг.).

Важно отметить, что в отечественной науке Ю. Велльгаузену было уделено достаточно внимания ещё дореволюционными учеными (В. П. Рыбинским<sup>11</sup>, П. А. Юнгером<sup>12</sup>, протоиереем Николаем

5 *De Wette W. M. L. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel Alten und Neuen Testaments. Berlin, 1817.*

6 *Ewald H. Die Composition der Genesis kritisch untersucht. Braunschweig, 1823.*

7 *Reuss E. Geschichte der Heiligen Schriften des Alten Testaments. Braunschweig, 1890.*

8 *Hupfeldt H. Die Quellen der Genesis von neuem Untersucht. Berlin, 1853.*

9 *Graf K. H. Die geschichtlichen Bücher des Alten Testaments. Zwei historisch-kritische Untersuchungen. Leipzig, 1866.*

10 *Barton J. Source Criticism. Old Testament // The Anchor Bible Dictionary / ed. D. N. Freedman. New Haven, 1992. Vol. 6. P. 162–165.*

11 *Рыбинский В. П. Библейская ветхозаветная критика // Труды Киевской духовной академии. 1908. Т. 3. № 12. С. 575–613.*

12 *Юнгер П. А. Введение в Ветхий Завет. М., 2003. Книга 2.*

Елеонским<sup>13</sup>), тогда как научная деятельность Г. Гункеля остаётся малоизученной. Его имя известно только узким специалистам. Главные его монографии: «Творение и хаос в изначальном и конечном времени» (*Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit. Eine religionsgeschichtliche Untersuchung über Gen 1 und Ap Joh 12*, 1895), «Легенды книги Бытия» (*Die Genesis*, 1901)<sup>14</sup>, «Введение в псалмы» (*Einleitung in die Psalmen. Die Gattungen der religiösen Lyrik Israels (zu Ende geführt von Joachim Begrich)*, 1933) на русский язык не переведены. В отечественной науке в 1920-х гг. к работам Г. Гункеля одним из первых обратился его современник отечественный востоковед И. Г. Франк-Каменецкий (1880–1937 гг.)<sup>15</sup>, и это единственный известный нам отечественный автор, в публикациях которого представлена точка зрения Гункеля на библейский текст.

В данной статье мы постараемся ответить на следующие вопросы:

- В чём заслуга и новаторство Германа Гункеля в изучении Ветхого Завета?
- Каково отношение Гункеля к документальной гипотезе?
- Как оценивают работы Гункеля современные исследователи?

## 1. Методология Германа Гункеля

В современной библеистике Герман Гункель известен прежде всего как основатель метода анализа форм (*Form criticism*)<sup>16</sup>, получившего широкое применение в современной библейской науке.

Литературно-исторические принципы исследования Священного Писания изложены Гункелем в двух его монографиях: *Die Genesis (Legends of Genesis)*, 1901; *Einleitung in die Psalmen. Die Gattungen der religiösen Lyrik Israels (zu Ende geführt von Joachim Begrich)*, Göttingen 1933.

Новаторство Гункеля состоит в том, что он заменил историко-критический метод (диахронический), главенствующий в течение всего XIX в., на синтетический. Гункель не отказался полностью от историко-критического метода, который активно применяли его предшественники Вильгельм Де Ветте, Герман Гупфельд, Эдуард Рейсс, Карл Граф,

13 *Елеонский Н., прот.* Современная критика священных ветхозаветных писаний и её слабые стороны. М., 1904.

14 Английский перевод: *Legends of Genesis*, 1901.

15 См.: Франк-Каменецкий И. Г. Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии. М., 2004.

16 *Barton J.* Op. cit.

Юлиус Велльгаузен, но дополнил его несколькими новыми: жанровым, сравнительно-религиоведческим (компаративным). В комментарии на книгу Бытия Гункель пишет:

«Исследователи до сих пор, особенно Велльгаузен и его школа, часто совершают ошибку, утверждая, что история Израиля может быть понята исключительно изнутри (из неё самой), и тем самым игнорируя многочисленные связи, которые соединяли Израиль с остальным миром.

Хочется надеяться, что будущие исследователи будут более склонны поместить реконструкцию жизни Древнего Израиля в контекст мировой истории. Конечно, с нашим ограниченным знанием жизни Древнего Востока мы должны быть осторожны в своих гипотезах. Всё же нельзя позволить себе совершенно игнорировать окружение Древнего Израиля и те предположения, которые с определенной долей вероятности могут из этого следовать»<sup>17</sup>.

Можно предположить, что на применение Гункелем сравнительного метода повлияло открытие во второй половине XIX — начале XX в. многих литературных памятников Древнего Ближнего Востока.

Нельзя утверждать, что Гункель был абсолютным пионером в используемом им методе, поскольку, как он сам указывал, у него были предшественники: Иоганн Готфрид Гердер, Эдуард Рейсс, Герман Гупфельд. Исследователь научного наследия Гункеля Ридигер Ливак, рассуждая о его предшественниках, особо выделяет Гердера (1744–1804 гг.):

«Работы Гункеля по литературе Ветхого Завета имели предшественников. Уже в древности были известны литературные жанры, в основном в поэзии. Важное влияние оказал Гердер с его эстетическим воззрением на Ветхий Завет, он вдохновлялся также исследованиями по германистике и фольклористике, изучавшими сходные вопросы. И всё же он профессионально создал и развил методологию истории литературы на основании и в смысле истории жанров, не упустив таких областей литературоведения, как поэтика, метрика и стилистика. Иначе говоря, он снял ограничение на литературное изучение, которое раньше касалось только поэзии, и в противовес романтизму распространил понятие жанра на все имеющиеся формы прозы Ветхого Завета. Ветхозаветная наука обязана ему тем эпохальным

17 Gunkel H. *The Legends of Genesis* / transl. W. H. Carruth. Chicago, 1901. P. 89.

наблюдением, что в Ветхом Завете, чаще, чем в современной литературе, жанры, то есть надындивидуальные формы, воздействуют на речь при взаимодействии с местами в жизни, то есть типичными коммуникационными и социальными связями»<sup>18</sup>.

В частной беседе Гункель признавался, что в научных изысканиях он особое внимание уделяет интуиции, которую затем старается подтвердить доказательствами, основанными на тексте. Ученик Гункеля — Отто Айсфельдт вспоминал:

«[Гункель] принял меня очень дружественно и уделил мне много времени. Прежде всего, я должен был рассказать ему о Велльгаузен [лекцию которого на тему «Семитские народы и языки» Айсфельдт слушал в прошлом семестре]. Когда я при этом с юношеской наивностью сказал, что Велльгаузен в своём изложении израильско-иудейской истории, особенно что касается религии и культа, больше обращал внимание не на исследование отдельных феноменов, а скорее имел интуитивный взгляд на целое, то Гункель громко засмеялся и ответил: “Вы совершенно правы! Во всей науке дело идет к интуитивному взгляду. Но признаваться в этом нельзя. На самом деле надо делать так, как будто научные результаты основаны на скрупулезном исследовании частных»<sup>19</sup>.

Ключевыми для метода анализа форм (нем. *Formgeschichte*, *Gattungsforschung*; англ. *Form criticism*) являются следующие концепции, предложенные Гункелем: *Form*, *Gattung*, *Sitz im Leben*. Анализ текста, согласно данному методу, начинается с определения формы — структуры, метрики произведения (*Form*), затем изучается его содержание, а после исследуется его применение в Древнем Израиле (*Sitz im Leben*), и в завершении в соответствии с установленными данными определяется его жанровая принадлежность (*Gattung*).

Исходя из фундаментального различия поэзии и прозы, Гункель различает в Ветхом Завете следующие жанры:

- 1) нарративные: миф (история богов), сказки, народные саги, новеллы, духовные легенды и исторический рассказ;
- 2) поэтические: изречения мудрости, лирическую поэзию светского, политического и богослужебного назначения;
- 3) Тору и законы<sup>20</sup>.

18 *Liwak R.* Hermann Gunkel und das Programm einer Literaturgeschichte des Alten Testaments. S. IX–XXXI.

19 *Smend R.* Op. cit.

20 *Witte M.* Von der Analyse zur Synthese — Historisch Anmerkungen zu Herman Gunkeles Konzept einer israelitischen Literaturgeschichte // Hermann Gunkel revisited: Literatur- und religionsgeschichtliche Studien / hrsg. U. E. Eisen, E. S. Gerstenberger. Berlin, 2010. S. 21–52.

## 2. Долитературная (устная) стадия повествований книги Бытия

Гункель был пионером не только в методе «критики форм», но и в попытке проникнуть в устные предания, лежавшие в основе книги Бытия. Он считает, что весь стиль её повествования может быть понят только на основании того, что это редакция устных традиций<sup>21</sup>. Свой метод он называет *Überlieferungsgeschichte* — изучение истории традиций.

Гункель отстаивает точку зрения, состоящую в том, что некоторые библейские личности — Каин, Авель, Иаков, Исав, Измаил, сыновья патриарха Иакова — на самом деле есть персонифицированные племена. Так, например, основой библейского сюжета о Дине, дочери патриарха Иакова, над которой было совершено насилие жителем Сихема, после чего братья Дины, Левий и Симеон, отомстили сихемлянам (см. Быт. 34), по мнению Гункеля, послужила следующая история: некая израильская семья была захвачена жителями Сихема, и соседние племена Симеона и Левия вероломно отомстили сихемлянам. Другие колена Израиля не приняли в этом участия и позволили сихемлянам истребить эти два племени<sup>22</sup> — возможно, Гункель таким образом интерпретировал слова патриарха Иакова, обращённые к Симеону и Левию: *Проклят гнев их, ибо жесток; и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове, и рассею их в Израиле* (Быт. 49, 7).

В истории о кровосмешении Иуды с его невесткой Фамарью (см. Быт. 38), по мнению Гункеля, отображены ранние отношения в колене Иуды: представители этого колена соединились с хананеями, что в Священном Писании изображено как брак Иуды с Шуа, дочерью одоламитянина Хира. В результате появились два племени — Ир и Онан, которые вскоре погибли; в книге Бытия они представлены как сыновья Иуды от Шуа (см. Быт. 38, 1–10). Затем умножились два других племени — Фарес и Зара; согласно Священному Писанию, дети Иуды от Фамари<sup>23</sup>.

В повествовании об Исаве и Иакове (см. Быт. 25, 27–34; 27, 1–41), считает Гункель, очевидны вполне исторические реминисценции: Исав и Иаков — братские племена. Исав — персонификация племени охотников, а Иаков — племени пастухов. Утрата Исавом первородства означает, по мнению Гункеля, что старшее и более известное

21 Gunkel H. Op. cit. P. 4.

22 Ibid. P. 21.

23 Ibid. P. 21.

племя Исава вынуждено было уступить дорогу (землю) более юному и изначально более слабому племени Иакова. Подобное соперничество, утверждает Гункель, было между племенами Иуды — Фаресом и Зарой (см. Быт. 38), а также между Ефремом и Манассией (см. Быт. 48)<sup>24</sup>.

Анализируя предположение Гункеля, нужно заметить, что в Ветхом Завете достаточно примеров персонификации колен, когда всё племя названо по имени его родоначальника — от общего к частному. Подобные персонификации мы встречаем в благословении колен Моисеем (см. Втор. 33), а также в песне Деворы (см. Суд. 5). Пророк Осия всё Израильское царство называет Ефремом (см. 7, 8, 11; 8, 11) по имени наиболее многочисленного колена. Интерпретируя родоначальников израильских колен как персонификацию самих этих племен, Гункель сделал обратный ход — от частного к общему. С нашей точки зрения, реконструкция Гункеля не имеет исторического обоснования.

В комментарии на книгу Бытия Гункель сделал лишь очерк (набросок) её «истории традиций», его метод был воспринят и распространен на всё Пятикнижие следующим поколением ученых: Хуго Грессманом (Hugo Gressman), Альбрехтом Альтом (Albrecht Alt), Мартином Нотом (Martin Noth) и Герхардом фон Радом (Gerhard von Rad). Большинство современных исследователей Ветхого Завета приняли точку зрения Гункеля, состоящую в том, что текст Пятикнижия имеет своим источником устные предания (нем. *mündliche Tradition*, англ. *oral tradition*).

Здесь важно указать, что позиция Гункеля в этом вопросе отлична от точки зрения Ю. Велльгаузена, считавшего, что основу Пятикнижия составляют письменные документы.

### 3. Опыт создания Гункелем истории литературы Древнего Израиля

Вместо того чтобы писать очередное исагогическое Введение в Ветхий Завет, которых к началу XX в. в Европе было уже издано немало, Гункель подготовил очерк, посвященный истории древнеизраильской литературы<sup>25</sup>. Ему не было суждено, в отличие от Велльгаузена, переработать его в полноценную историю израильской литературы, что, как он выражался, «исполнило бы завет Гердера», но в самом очерке было сказано достаточно.

24 Ibid. P. 21.

25 *Gunkel H. Die Israelitische Literatur // Die Orientalischen Literaturen / hrsg. P. Hinneberg. Berlin, 1906. S. 51–100.*



Для Гункеля, как и для И. Гердера, была важна эстетическая оценка произведения. Среди первооткрывателей эстетической оценки Гункель, кроме Гердера, называет Велльгаузена:

«Особенное величие которого заключается в основном не в остроте его критики, но в его великой и убедительной общей концепции, и особенно в его удивительной чуткости к ветхозаветным реалиям. Мы идём путём Гердера и Велльгаузена, когда обращаем внимание на форму ветхозаветных сочинений»<sup>26</sup>.

Именно Гункель ввёл в современную библеистику понятие жанра как текста, характеризуемого определёнными языковыми и содержательными признаками. Определение назначения каждого конкретного библейского текста, его *Sitz im Leben* — места в жизни, стало ключом к истории древнеизраильской литературы.

По мнению учёных, наибольшая трудность в попытке создания истории литературы Древнего Израиля состоит в невозможности установить точную хронологию библейских произведений. Гункель решил неясность в хронологии ветхозаветных писаний, разделив все ветхозаветные тексты на три основные эпохи:

- 1) «народная литература до появления крупных писателей» (до 750 г. до Р.Х.),
- 2) «крупные личности писателей» (750–540 гг.),
- 3) «эпигоны» (время от вавилонского плена до эллинизма)<sup>27</sup>.

В первую группу Гункель включил примеры поэзии Древнего Израиля: песнь Деворы (см. Суд. 5), песнь Мариам (см. Исх. 15), плач Давида о гибели Саула и Ионафана (см. 2 Цар. 1, 17–27), благословения Иакова (см. Быт. 49) и пророка Моисея (см. Втор. 33), пророчества Валаама (см. Числ. 23), нарративные части Пятикнижия — собрания преданий Ягвиста и Элогиста.

Во вторую группу вошли писания пророков Амоса, Осии, Исайи, Михея, Иеремии, Иезекииля и других пророков.

В третью — произведения слепопленных священников писателей: Ездры, Неемии, Хрониста — книги Паралипоменон, составителей Жреческого кодекса.

26 Smend R. Op. cit.

27 Witte M. Op. cit.

#### 4. Понятия «миф», «легенда», «сага» в классификации ветхозаветных жанров Германа Гункеля

Прежде чем изложить понимание мифа Г. Гункелем, важно отметить, что он обращался к христианской аудитории. Самое известное его высказывание на данную тему: «Мифы — не следует пугаться этого слова — это истории о богах»<sup>28</sup> — адресовано христианам. Таким образом, Г. Гункель сделал попытку ввести в науку понятие, чуждое его верующим современникам. Что вкладывал он в понятие «миф»?

Гункель развил свою концепцию мифа уже в сочинении «Творение и хаос в изначальном и конечном времени» 1895 г. Этим он заложил основание для толкования книги Бытия. На данную тему им была написана специальная статья для немецкой религиозной энциклопедии «*Religion in Geschichte und Gegenwart*» (Религия в истории и современности)<sup>29</sup>. В ней Гункель указал следующие признаки мифа:

«Как мифов вообще, так и библейских, и восточных мифов касается то, что они происходят из первобытного прошлого человеческого рода. Самый чёткий признак мифа, особенно древневосточного, это дикость и грубость действующих лиц, и чудовищность их действий. Яснее всего это видно в вавилонских мифах. Там мы видим мир, полный насилия, ярости, гнева и грубого наслаждения, жестокости, в том числе в области пола. Повсюду ничем не сдерживаемый эгоизм. Могучие страсти сталкиваются друг с другом. Каждый использует ложь и предательство. И боги стоят посреди этой суеты»<sup>30</sup>.

Миф и легенда, согласно Гункелю, являются частью поэзии. Он, как и Велльгаузен, при рассмотрении библейских текстов делал особое ударение на различии поэзии и истории, отмечая, что историческое повествование не является врождённым для человеческого ума, а возникает на определенном этапе истории. Нецивилизованные народы не пишут истории, они не способны изложить свой опыт объективно, они передают его в форме песни или саги. Эрнст-Йоахим Вашке (E. J. Waschke), исследователь наследия Гункеля, так передал различие поэзии и истории в Священном Писании:

28 *Gunkel H. The Legends of Genesis. P. 14.*

29 *Gunkel H. Mythen und Mythologie in Israel // Religion in Geschichte und Gegenwart / hrsg. F. M. Schiele, L. Zscharnack. Tübingen, 1913. Bd. 4. S. 621–632.*

30 *Ibid.*

«Один из ярчайших признаков саги, согласно Гункелю, то, что “она нередко говорит о таких вещах, которые кажутся нам невероятными”. Это касается в первую очередь рассказов о творении и изначальных временах, которые полностью противоположны современным взглядам на возникновение мира, поэтому для Гункеля важно разделение истории и поэзии. Если бы от этого отказались и включили поэтические повествования в “трезвую действительность”, то поступили бы “несправедливо с наивностью”. Гункель показывает эту точку зрения на примерах речи о Боге в обоих сферах. Для поэзии характерен антропоморфный образ Бога. Здесь Бог двигается, говорит и действует как человек. В “историческом повествовании”, например в рассказе о восстании Авессалома, всё описывается так же, как и в реальном мире: там “никакое железо не плавает по воде, и змей не говорит, Бог или ангел не выступает как личность, но всё происходит как обычно”»<sup>31</sup>.

По мнению Гункеля, легенда, как и миф, в отличие от истории изначально имела устную форму. Четыре жанра древней поэзии: миф, сага, сказка и легенда отнесены Гункелем ко времени детства человечества, в котором ещё нет различия между вымыслом и действительностью и где можно беспечно выдумывать невероятные истории<sup>32</sup>.

В комментарии на книгу Бытия Гункель классифицировал миф как жанр саги. Миф, в отличие от саги, повествует не только об Израиле, но и обо всем мире (человечестве). В книге Бытия, считал Гункель, мифологические сюжеты присутствуют в изложении праистории человечества (см. Быт. 1–11), а сага — в описании жизни патриархов (см. Быт. 12–50).

Гункель делил мифы на три вида: природные, этиологические, фантастические. Происхождение природных мифов, по его мнению, связано с персонификацией древними людьми проявлений сил природы:

«Изначально мифы о природе толковали именно повторяющиеся явления. Снова и снова бог рождался в Новый год и побеждал дракона зимы. И всякий раз, когда появлялась радуга после грозы, люди знали, что Яхве ставит свой лук. Однако позже появляется миф, описывающий уникальное явление изначальной эпохи. И в этой связи вместе передаются мифы Ветхого Завета: из мифа о весне появляется идея о том, что Бог “вначале” сотворил небо и землю и что Он поставил радугу в небо один раз, когда воды потопа покинули землю»<sup>33</sup>.

31 *Waschke E. J.* Zum Mythosverständnis im Genesis-Kommentar Herman Gunkels // Hermann Gunkel (1862–1932) / hrsg. E.-J. Waschke. Neukirchen-Vluyn, 2013. (BTS; Bd. 141). S. 69–84.

32 Ibid.

33 *Gunkel H.* Mythen und Mythologie in Israel. S. 621–632.

Согласно Гункелю, мифы рассказывают о конечных временах так же, как в другом предании говорят об изначальном времени. Если сопоставить их вместе, то окажется, что конечное время равно изначальному: вначале появляется новый хаос, затем новое творение, в котором возникают новое небо и новая земля, а затем новый золотой блаженный век<sup>34</sup>.

Этилогические мифы, по мнению Гункеля, объясняют некоторые явления:

«Например, история создания женщины из ребра мужчины объясняет, почему мужчина и женщина породили человеческий род: в любви объединяется то, что однажды было единым (см. Быт. 2, 21). История “вавилонской башни” объясняет, откуда взялось различие человеческих языков и рассеяние людей (см. Быт. 11), миф о рае объясняет, почему человек обречён на тяжкий труд, а женщина на трудности родов (см. Быт. 3, 16), при этом влияет также сказочное: этот же рассказ сообщает, как змея стала ползать на брюхе и есть странную еду — по мнению евреев, она питается пылью (см. Быт. 3, 14)»<sup>35</sup>.

Фантастические элементы мифологического содержания Гункель находит в видениях ветхозаветных пророков:

«Так, Исаия видит страшного шестикрылого серафима у престола Яхве (см. Ис. 6). Иезекииль видит четырёхкрылого херувима и странные колеса (Иез. 1). Или он видит духов Божиих, исполняющих Его повеления, а среди них образ в льняной одежде и с тростью для письма; возможно, изначально это были семь вавилонских духов планет, среди них Набу, бог письменности (см. Иез. 9, 2). Ночные образы Захарии наполнены чудесными, изначально мифологическими фигурами и сценами. Это вестники Яхве на четырёх разноцветных конях, исполняющие послание Яхве (см. Зах. 1, 7) и небесные колесницы, исходящие от горы Яхве по всему миру для исполнения Его повелений, также другие четыре всадника на разноцветных конях. И те и другие всадники являются образом четырёх ветров, понимаемых как вестники или воины Бога. Там пророк видит необычный светильник, справа и слева от которого оливы дают масло, или свиток проклятия между небом и землёй, или “зlobу”, заключённую в некоей мере, которую несут женщины с крыльями аиста. Четыре мировых царства, изображённые в другом месте как чудовища с рогами, представляются ему в сокращённом виде

34 Ibid.

35 Ibid.

как четыре рога, которые должны быть повержены. Уже можно видеть четырёх небесных кузнецов, которые для этого заточили топоры (см. Зах. 2, 1). Очевидно, это следствие тесного соприкосновения с язычеством, которое после исхода из Вавилона наполнило иудейскую фантазию мифологическими образами»<sup>36</sup>.

Гункель, как и Велльгаузен, считал, что израильтяне не написали ни одного мифа (легенды), а заимствовали их у соседних народов. Оба исследователя полагали, что израильские авторы их коренным образом переработали согласно монотеистическому характеру своей веры.

Подводя итог, приведём слова Гункеля о значении мифа для изучения Священного Писания:

«В общем и целом это очень богатый материал, которым пренебрегали в прошлых исследованиях, поскольку больше интересовались “библейским богословием” и временно-историческим материалом. Но для понимания пророков и апокалиптики миф очень важен»<sup>37</sup>.

## 5. Отношение Гункеля к документальной гипотезе

Отношение Гункеля к документальной гипотезе изложено в его труде «Легенды книги Бытия»<sup>38</sup>. Он положительно воспринял гипотезу четырёх источников, считая, что Велльгаузен решил проблему Пятикнижия<sup>39</sup>. Признавая наличие в основе Пятикнижия четырёх документов: J, E, D, P, Гункель, в отличие от Ю. Велльгаузена, утверждал, что древнейшие источники Пятикнижия J и E прежде их письменной фиксации имели устную форму. Собрание текстов (в терминологии Гункеля — «легенд, саг»), входящих в состав книги Бытия, не было делом одного человека и одной эпохи, а формировалось в течение длительного времени при участии многих редакторов. Здесь мы видим важное отличие точки зрения Гункеля на источники Пятикнижия от Велльгаузена, рассматривавшего Ягвиста и Элогиста как персональных авторов этих текстов. «J и E, — пишет Гункель, — не индивидуальные авторы, не издатели древних уникальных писаний, но скорее школы рассказчиков»<sup>40</sup>.

36 Ibid.

37 Ibid.

38 *Gunkel H. The Legends of Genesis. P. 123–159.*

39 *Smend R. Op. cit.*

40 *Gunkel H. The Legends of Genesis. P. 130.*

Сопоставляя Ягвиста и Элогиста, Гункель утверждал, что между ними нет литературной связи:

«Ягвист не копирует Элогиста, и Элогист не копирует Ягвиста. Если оба источника случайно, время от времени согласны друг с другом, это объясняется наличием общего оригинального источника»<sup>41</sup>.

В начале Ягвиста Гункель различает три источника, два из которых, по его мнению, имеют параллельные нити повествования. Он стремится продемонстрировать это на примере истории Авраама. Так, к циклам легенд об Аврааме и Лоте, по мнению Гункеля, добавлены истории о пребывании Авраама в Египте (см. Быт. 12, 10–20) и об изгнании Агари (см. Быт. 16; 21), а позже фрагмент из третьего источника — заступничество Авраама за жителей Содома (см. Быт. 18)<sup>42</sup>. Поздними добавлениями к Ягвисту он считает историю (легенду) о Фамари (см. Быт. 38) и благословение Иаковом сыновей (см. Быт. 49), которое он называет поэмой<sup>43</sup>.

Размышляя над датировкой собраний Ягвиста и Элогиста, Гункель отмечает, что вопрос этот весьма трудный. Он датирует формирование легенд о патриархах приблизительно XIII–XII вв. до Р. Х. Корректность этой датировки, по мнению Гункеля, можно подтвердить следующими фактами: Иерусалимский храм, столь известный в монархический период истории Израиля, конфликт Саула и Давида, разделение единого царства, война между израильским и иудейским царствами никак не упоминаются в преданиях о патриархах. Это ясное доказательство того, считает Гункель, что новые легенды о патриархах не формировались в это время<sup>44</sup>.

Когда мы читаем комментарий Гункеля на книгу Бытия, становится очевидным, что он вполне усвоил дух протестантской науки (библейской критики). Этот дух наиболее ярко проявился в отношении к ветхозаветным пророчествам, ибо протестантские учёные их отрицают, видя в них интерполяции в библейское повествование, отражающие политические события позднего времени. Так, по мнению Гункеля, обстоит дело с предсказанием Исаака своему сыну Исаву о том, что придёт время и он свергнет с себя иго своего младшего брата Иакова (см. Быт. 27, 40). В понимании Гункеля, это явная аллюзия на восстание Эдома в 840 г. до Р.Х., добавленная в библейское повествование об Иакове и Исаве современником этих событий<sup>45</sup>.

41 Ibid. P. 127.

42 Ibid. P. 129.

43 Ibid. P. 129.

44 Ibid. P. 137.

45 Ibid. P. 138.

Гункель датирует письменную фиксацию обоих собраний: Ягвиста (J) — IX в. до Р.Х. и Элогиста (E) — первой половиной VIII в. до Р.Х., то есть прежде появления пророческих писаний. Хотя он усматривает некоторые элементы пророческой проповеди в заступничестве Авраама за жителей Содома (см. Быт. 18) и в прощальной речи Иисуса Навина, содержащей нескрываемое недоверие к верности израильтян Своему Богу (см. Нав. 24).

Гункель полагает, что оба собрания (источника) были объединены поздним редактором R\* незадолго до падения Иудейского царства в 586 г. до Р.Х.

В датировке Жреческого кодекса (The Priestly Codex) после пленным периодом Гункель также последовал Ю. Велльгаузену:

«Это бессмертная заслуга Велльгаузена — определить истинный характер этого источника, который до него рассматривался как древний, показать некорректность этой точки зрения и подготовить почву для живого и истинного понимания истории Израиля»<sup>46</sup>.

По мнению Гункеля, Жреческий кодекс отличается сухость и монотонность изложения. Автор имел особую склонность к точности и порядку, большая часть этого источника, — считает Гункель, — представлена в книге Бытия родословиями, хотя есть несколько длинных историй: творение, потоп, явление Бога Аврааму и покупка Авраамом пещеры Махпела.

Кроме родословий Жреческому кодексу (P), согласно Гункелю, свойственны хронологии — указания на возраст главных персонажей книги Бытия. По мнению Гункеля, хронологии не свойственны древним легендам, поскольку принадлежат истории. Кроме того, он указывает на несоответствие возраста библейских персонажей реальности: Сарра в шестьдесят пять лет всё ещё так красива, что фараон берёт её во дворец (см. Быт. 12, 10–20), Агарь несёт на плече сына Измаила, хотя тому уже исполнилось шестнадцать лет (см. Быт. 21)<sup>47</sup>.

Гункель считал, что автор Жреческого кодекса показывает гениальный научный ум, проявившийся в систематизации библейского повествования — в описании порядка творения (см. Быт. 1) и разделении всей мировой истории на четыре периода: от творения до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея и далее. Гункель указывал,

46 Ibid. P. 145.

47 Ibid. P. 148. Нужно заметить, что из еврейского текста Быт. 21, 14 совсем не следует, что Агарь наряду с хлебом и мехом воды взяла к себе на плечи сына (Примеч. авторов — М. С., И. Х.).

что каждый из этих периодов начинается теофанией и дважды вводится новое имя Бога: Он — Элогим в творении, Эль Шаддай в истории Авраама и Ягве (Тетраграмматон) в истории Моисея<sup>48</sup>.

Гункель делает вывод, что автор Жреческого кодекса, имея более возвышенное представление о Боге, чем составители сказаний о патриархах, достаточно произвольно обходился с содержанием древних преданий. Стремясь очистить религию патриархов от того, что ему представлялось оскорбительным, он отвергает: сору пастухов Авраама и Лота (см. Быт. 13), изгнание Авраамом Измаила (см. Быт. 21), хитрость Иакова (см. Быт. 27).

Согласно Гункелю, автор Р ничего не говорит о личном благочестии патриархов, он не упоминает об особом доверии Авраама Богу. Религия, которую он исповедует, состоит из соблюдения правил и церемоний: хранения субботы, обрезания, чистого и нечистого — в этих вопросах он предельно скрупулёзен.

Рассматривая вопрос происхождения Жреческого кодекса, Гункель считает, что в его составлении участвовала целая группа.

В Жреческом кодексе Гункель видит влияние более высокой культуры Вавилона, что проявилось в точной записи чисел и мер, генеалогических таблицах, хронологических вычислениях. Он усматривает общие с Жреческим кодексом тенденции в книгах Ездры и Неемии и в писаниях пророков Иезекииля, Аггея, Захарии.

В завершении своей характеристики источника Р Гункель высказал предположение, что книга Закона Ездры, на которой, по мнению многих учёных, иерусалимская община принесла клятву в 444 г. до Р. Х. (см. Ездр. 10, 5; Неем. 8) и в создании которой Ездра сам принимал некоторое участие, и есть документ Р. Время его создания Гункель датирует первой половиной V в. до Р. Х.<sup>49</sup>.

Последний редактор, объединивший древнюю традицию — J (Ягвиста), E (Элогиста) и P (Жреческий кодекс), обозначается R<sup>JEP</sup>. По мнению Гункеля, он жил уже после Ездры, но до отделения самаритянской общины, которая имела полное Пятикнижие. Точное время объединения указанных источников книги Бытия Гункель назвать затруднялся. Этот редактор, считает Гункель, отдавал предпочтение источнику P (Жреческому кодексу) и использовал его хронологию как структуру для повествования J (Ягвиста) и E (Элогиста).

48 Ibid. P. 148.

49 Ibid. P. 157.



## Заключение

Подведём итог. Называя себя вельльгаузенианцем, Гункель говорил правду, поскольку он унаследовал от Вельльгаузена эволюционный принцип в отношении к библейским текстам, полагая, что религиозные представления евреев и само их выражение претерпели серьёзное развитие с течением времени. Это видно на примере классификации Гункелем «мифов» и «легенд» книги Бытия: он утверждал, что древней истории Израиля свойственны примитивные легенды — мифы.

Гункель воспринял от Ю. Вельльгаузена идею о том, что израильтяне заимствовали мифы из других ближневосточных литератур и перерабатывали их в монотеистическом ключе.

Гункель принял основные положения документальной гипотезы, предложенной Ю. Вельльгаузеном, и продолжил её обоснование.

Вместе с тем Гункель по отношению к Вельльгаузену оказался новатором. Он в значительно меньшей степени занимался реконструкциями источников, сосредоточившись на другой проблематике: какие жанры характерны для древнеизраильской письменности и как они взаимосвязаны с жанрами других ближневосточных литератур? Отвечая на указанные вопросы, Гункель создал свою классификацию ветхозаветных жанров, не устаревшую и по сей день.

Гункель, в отличие от старшего коллеги, не стремился написать историю Древнего Израиля, исходя из предполагаемых датировок источников (документов), а написал очерк по истории литературы Древнего Израиля.

В отличие от Вельльгаузена, считавшего, что Пятикнижие изначально имело письменную форму, Гункель настаивал на том, что большинству сюжетов книги Бытия предшествовала устная традиция.

Несомненная заслуга Гункеля состоит в том, что в библейских исследованиях он не ограничился одним историко-критическим (диахроническим) методом, господствовавшим в протестантской науке в течение всего XIX в., а стал активно использовать синтетический подход в изучении Священного Писания, дополнив историко-критический метод жанровым и компаративным.

Ещё одно важное отличие Гункеля от Вельльгаузена касается манеры изложения научных гипотез: Гункель более осторожен в своих выводах.

Исследователь наследия Гункеля немецкий профессор Рюдигер Ливак так определил его вклад в библеистику:

«Гункель вышел за пределы Юлиуса Вельльгаузена, создав методически совершенно новый путь исследования жанров. Его гуманитарные

корни были разнообразны: исторические импульсы были получены в основном от Леопольда фон Ранке (1795–1886) и Теодора Моммзена (1817–1903), а также Адольфа фон Гарнака и Юлиуса Велльгаузена. Так же сильно на религиозно-исторические исследования Гункеля повлиял романтизм с его ценностью личности и представления Гегеля (1770–1831) о мировом духе. Предпосылки его понимания эстетики литературных форм были у Гёте (1749–1832) и Йоханна Фридриха Гердера (1744–1803)»<sup>50</sup>.

В заключение постараемся сформулировать православную оценку гипотез анализируемых библеистов и пользы их методологий для церковной науки. Очевидно, что церковные учёные не могут принять понятия «миф», «легенда», «сказка» применительно к Священному Писанию, несмотря на предложенные Г. Гункелем оговорки. Следует заметить, что определения ряда библейских сюжетов как мифов или легенд, свойственные Ю. Велльгаузену и Г. Гункелю, а также их последователям, напоминает нам отношение к Священному Писанию античных критиков — Цельса (III в.) и Юлиана Отступника (IV в.), сравнивавших библейские сюжеты с древнегреческими мифами.

Стремление Гункеля реконструировать устные традиции книги Бытия, на наш взгляд, лишено достаточного обоснования. Кроме того, оно представляет явную опасность, поскольку в этом случае мы отказываемся от единственной, общепринятой формы библейского откровения, получивший широкое отражение в церковном Предании, и становимся на зыбкую почву реконструкции, критерии проверки которых у нас отсутствуют. Вместе с тем следует отметить, что идея о наличии устных традиций, предшествовавших некоторым из библейских сюжетов, вполне допустима.

Несомненно полезными, на наш взгляд, являются жанровый и компаративный методы, разработанные Г. Гункелем, позволяющие значительно глубже понять специфику любого библейского отрывка.

## Библиография

### Источники

*De Wette W. M. L. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel Alten und Neuen Testaments. Berlin: G. Reimer, 1817.*

50 *Liwak R. Hermann Gunkel und das Programm einer Literaturgeschichte des Alten Testaments // Hermann Gunkel zur israelitischen Literatur und Literaturgeschichte / hsgb. R. Liwak. Waltrop, 2004. S. IX–XXXI.*

- Ewald H.* Die Composition der Genesis kritisch untersucht. Braunschweig: Ludwig Lucius, 1823.
- Graf K. H.* Die geschichtlichen Bücher des Alten Testaments. Zwei historisch-kritische Untersuchungen. Leipzig: T. O. Weigel, 1866.
- Gunkel H.* Die Israelitische Literatur // Die Orientalischen Literaturen / hrsg. P. Hinneberg. Berlin; Leipzig: B. G. Teubner, 1906. S. 51–100.
- Gunkel H.* The Legends of Genesis / transl. W. H. Carruth. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1901.
- Gunkel H.* Mythen und Mythologie in Israel // Religion in Geschichte und Gegenwart / hrsg. F. M. Schiele, L. Zscharnack. Tübingen: Mohr, 1913. Bd. 4. S. 621–632.
- Hupfeldt H.* Die Quellen der Genesis von neuem untersucht. Berlin: Wiegandt und Grieben, 1853.
- Reuss E.* Geschichte der Heiligen Schriften des Alten Testaments. Braunschweig: Schwetschke, 1890.
- Wellhausen J.* Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testament. Berlin: G. Reimer, 1885.

### Литература

- Елеонский Н., прот.* Современная критика священных ветхозаветных писаний и её слабые стороны. М., 1904.
- Рыбинский В. П.* Библейская ветхозаветная критика // Труды Киевской духовной академии. 1908. Т. 3. № 12. С. 575–613.
- Франк-Каменецкий И. Г.* Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии. М.: Лабиринт, 2004.
- Юнгеров П. А.* Введение в Ветхий Завет. М.: ПСТБИ, 2003. Книга 2.
- Barton J.* Source Criticism. Old Testament // The Anchor Bible Dictionary / ed. D. N. Freedman. New Haven: Yale University Press, 1992. Vol. 6. P. 162–165.
- Klatt W.* Hermann Gunkel: zu seiner Theologie der Religionsgeschichte und zur Entstehung der formgeschichtlichen Methode. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969.
- Liwak R.* Hermann Gunkel und das Programm einer Literaturgeschichte des Alten Testaments // Hermann Gunkel zur israelitischen Literatur und Literaturgeschichte / hsgb. R. Liwak. Waltrop: Hartmut Spenner, 2004. S. IX–XXXI.
- Smend R.* Gunkel und Wellhausen // Hermann Gunkel (1862–1932) / hrsg. E.-J. Waschke. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlagsgesellschaft, 2013. (BTS. Bd. 141). S. 21–40.
- Waschke E. J.* Zum Mythosverständnis im Genesis-Kommentar Herman Gunkels // Hermann Gunkel (1862–1932) / hrsg. E.-J. Waschke. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlagsgesellschaft, 2013. (BTS. Bd. 141). S. 69–84.
- Witte M.* Von der Analyse zur Synthese — Historisch Anmerkungen zu Herman Gunkels Konzept einer israelitischen Literaturgeschichte // Hermann Gunkel revisited: Literatur- und religionsgeschichtliche Studien / hrsg. U. E. Eisen, E. S. Gerstenberger. Berlin: Lit Verlag, Dr. W. Hopf, 2010. S. 21–52.

## Julius Wellhausen and Hermann Gunkel: Biblical Studies and Methodology

### Mikhail A. Skobelev

PhD in Theology

Associate Professor of the Department of Biblical Studies

of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Associate Professor of the Department of Biblical Studies

of St. Tikhon's Orthodox University

6/1 Likhov pereulok, Moscow 127051, Russia

mksobelev@mail.ru

### Il'ya A. Khangireev

Head of the Academic/Administrative Sector

of the Theological Faculty at St. Tikhon's Orthodox University

6/1, Likhov pereulok, Moscow 127051, Russia

khangireev.ilya@gmail.com

**For citation:** Skobelev, Mikhail A., Khangireev, Il'ya A. "Julius Wellhausen and Hermann Gunkel: Biblical Studies and Methodology". *Theological Herald*, vol. 33, no. 2, 2019, pp. 17–37. (In Russian). doi: 10.31802/2500-1450-2019-33-16-26

**Abstract.** The article analyzes the works and methods of scriptural research of two prominent European biblical scholars – Julius Wellhausen (1844–1918) and Hermann Gunkel (1862–1932). The academic monographs and articles of modern biblical scholars are “packed” with references to the works of both researchers, conferences and collections of articles are devoted to them. J. Wellhausen is a representative of the method of criticism of sources, which he consistently used in relation to all the canonical books of the Old Testament, but the main subject of his research was the Pentateuch. Herman Gunkel – the developer of the form analysis method. Without rejecting the approach of J. Wellhausen, Gunkel supplemented it with an analysis of literary forms, having developed a classification of genres for all the books of the Old Testament. In addition, Gunkel insisted on the need for studying the Holy Scriptures without confining oneself exclusively to the biblical text but taking into account its connection with the literatures of the Ancient East – the comparative method. Thus, Gunkel introduced a synthetic approach into modern biblical studies, combining the method of criticizing sources with genre and comparative analysis. The authors of the article presented the main scientific provisions of J. Wellhausen and G. Gunkel about the origin of the Pentateuch, they tried to assess their methodology and considered the possibility of using their works in Orthodox exegesis.

**Keywords:** hermeneutics, Pentateuch, documentary hypothesis, oral traditions, criticism of sources, analysis of forms, genre, myth, legend, book of Genesis.

## References

- Barton, J. "Source Criticism. Old Testament". *The Anchor Bible Dictionary*, edited by D. N. Freedman, vol. 6, New Haven, Yale University Press, 1992, pp. 162–165.
- De Wette, W. M. L. *Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel Alten und Neuen Testaments [Textbook of Historical-Critical Introduction to the Bible Old and New Testaments]*. Berlin, G. Reimer, 1817. (In German)
- Frank-Kamenetskiĭ, I. G. *Kolesnitsa Iegovy. Trudy po bibleĭskoĭ mifologii [Jehova's Chariot. Works on Biblical Mythology]*. Moscow, Labirint, 2004. (In Russian)
- Gunkel, H. "Die Israelitische Literatur" ["The Israelite Literature"]. *Die Orientalischen Literaturen [The Oriental Literatures]*, Berlin, Leipzig, B. G. Teubner, 1906, pp. 51–100. (In German)
- *The Legends of Genesis*. Translated by W. H. Carruth, Chicago, The Open Court Publishing Company, 1901.
- Jungerov, P. A. *Vvedenie v Vethii Zavet [Introduction to the Old Testament]*. Vol. 2, Moscow, St. Tikhon's Orthodox University, 2003 (In Russian).
- Klatt, W. *Hermann Gunkel: zu seiner Theologie der Religionsgeschichte und zur Entstehung der formgeschichtlichen Methode [Hermann Gunkel: To His Theology of the History of Religion and the Emergence of the Form-Historical Method]*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. (In German)
- Liwak, R. "Hermann Gunkel und das Programm einer Literaturgeschichte des Alten Testaments" ["Hermann Gunkel and the Program of a Literary History of the Old Testament"]. *Hermann Gunkel zur israelitischen Literatur und Literaturgeschichte [Hermann Gunkel on Israelite Literature and Literary History]*, Waltrop, Hartmut Spenner, 2004, pp. IX–XXXI. (In German)
- Smend, R. "Gunkel und Wellhausen" ["Gunkel and Wellhausen"]. *Hermann Gunkel (1862–1932) [Hermann Gunkel] (1862–1932)*, edited by E.-J. Waschke, vol. 141, Neukirchen-Vluyn, Neukirchener Verlagsgesellschaft, 2013, pp. 21–40. (In German)
- Waschke, E. J. "Zum Mythosverständnis im Genesis-Kommentar Herman Gunkels" ["To the Understanding of Myth in the Genesis Comment Herman Gunkels"]. *Hermann Gunkel (1862–1932), [Hermann Gunkel] (1862–1932)*, edited by E.-J. Waschke, vol. 141, Neukirchen-Vluyn, Neukirchener Verlagsgesellschaft, 2013, pp. 69–84. (In German)
- Witte, M. "Von der Analyse zur Synthese — Historisch Anmerkungen zu Herman Gunkels Konzept einer israelitischen Literaturgeschichte" ["From Analysis to Synthesis – Historical Notes on Herman Gunkel's Concept of an Israelite Literary History"]. *Hermann Gunkel revisited: Literatur- und religionsgeschichtliche Studien [HERMANN Gunkel Revisited: Literary and Religious History Studies]*, edited by U. E. Eisen, E. S. Gerstenberger, Berlin, Lit Verlag, Dr. W. Hopf, 2010, pp. 21–52. (In German)